

ЕЛЕНА ВОРОНЦОВА, ВАЛЕРИЯ ЕЛАГИНА

**История блаженной Насти Вирятинской:
«прикрываясь религиозными
предрассудками, вела антисоветскую
агитацию»**

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-244-270>

Elena Vorontsova, Valeria Elagina

The Case of Blessed Nastya of Viratyino: “Hiding Behind Religious Prejudices, She Was Making Anti-Soviet Agitation”

Elena Vorontsova — St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russia). lendail@yandex.ru

Valeria Elagina — St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russia). valeria.nagibova@gmail.com

This article studies local practices of the groups of “True Orthodox Christians” in Tambov region in the 1950s, which resulted in the criminal persecution of some of the believers. The study is based on Alexander Klibanov’s personal archive and materials from Tambov archives, as well as field research. The studied practices are divided into four groups: 1) practices of political non-participation (abstaining from participating in elections, joining public organizations, signing Soviet documents); 2) religious practices (refusal to attend an official church; meetings of believers at home; home prayer and sermon); 3) economic practices (rejecting wages, state loans, pensions and social

Исследование выполнено в рамках проекта «Проблема святости в локальных деревенских сообществах» при поддержке внутреннего гранта ПСТГУ (по программе научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2020 г.).

payments; non-paying taxes); 4) labor practices (refusal to join collective farms, state farms and work at Soviet enterprises). The article argues that the local habitus of the peasants of Tambov region served as the framework for all these practices.

Keywords: village shrines, True Orthodox Christians, martyrdom, KGB, popular veneration, Golofast, Bourdieu.

ЦЕЛЬЮ данной работы является анализ набора практик и порождающих их механизмов, реализовывавшихся в 1950-е гг. в одном из аграрных центров советской России. Распространение этих практик среди сельских жителей стало поводом к появлению серии уголовных дел и имело ряд других практических следствий, отразившихся на современном социальном ландшафте Тамбовской области. Мы имеем в виду в первую очередь сложившееся к настоящему времени религиозное почитание могил двух основных фигурантов рассматриваемого уголовного дела, а также широкий круг быличек и историй о событиях и героях того времени.

Мы предполагаем, что в основе порождающих исследуемые практики механизмов лежит специфический локальный обиход. Вводя понятие «локального обихода», мы опираемся на традицию осмысления габитуса в духе Бурдье¹, развитую в работах В. Голофаста² через термин «обиход» как источник прочных приобретенных предрасположенностей, порождающих практики и представления. Таким образом, под практиками мы будем понимать индивидуальные или коллективные повторяющиеся действия, основанные не на сознательно установленных правилах, а на усвоенных с детства и постоянно воспроизводящихся схемах³.

В то же время, указывая на локальность искомого обихода, мы имеем в виду не только социологическую традицию, описывающую локальное как «обжитое, обустроенное, опривыченное»⁴, но и историко-антропологический поворот к теме локального, регионального, специфического, вернакулярного. Так, А. Панченко указывает на необходимость учитывать историческую и социаль-

1. Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 103.

2. Голофаст В. Глобализация и место морали // Телескоп. 2004. № 2. С. 2–11.

3. См.: Бурдье П. Практический смысл. С. 30–41.

4. Голофаст В. Глобализация и место морали // Телескоп. 2004. № 2. С. 2–11.

ную динамику, строить исследования крестьянских религиозных практик на описании текстов и практик «локальных групп, объединенных почитанием тех или иных местных святынь, принадлежностью к одному приходу и т.п.»⁵.

На материалах следственного дела, с привлечением прочих архивных и полевых наблюдений, мы стремимся ответить на вопрос о том, насколько рассматриваемые практики, в том числе идея принятия страданий за веру, были укоренены в локальном обиходе и какую роль в их контекстуальном историческом развертывании в исследуемом регионе сыграло внешнее вмешательство репрессивного государственного аппарата.

Основным источником нашего исследования являются материалы уголовных дел 1950-х гг.⁶, возбужденных против ряда жителей Сосновского⁷ района Тамбовской области. Несмотря на выбор такого специфического источника в качестве основного, мы все же фокусируемся на фигурах самих обвиняемых (в поисках механизмов, порождавших вменяемые им в вину практики), во многом оставляя за скобками нашего анализа систему государственного принуждения⁸. Выбор в пользу материалов следственных дел как основного источника обусловлен характером содержащихся в них сведений, демонстрирующих взгляды радикального крыла тамбовских верующих и отчасти проливающих

5. Панченко А. А. Иван и Яков — необычные святыне из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России нового времени. М., 2012. С. 10.
6. В делах находились выписки из протоколов допросов, постановления об обысках и арестах, постановления о выведении материалов дел в отдельные производства, уточняющие справки, определения судебных коллегий и ходатайства о снятии с принудительного лечения, акты психоневрологических экспертиз, протоколы опознания и справки о реабилитации. Некоторые копии, к сожалению, не полные: так, например, отсутствуют несколько страниц в протоколах допросов обвиняемых и свидетелей.
7. В его современных границах. До 1964/5 гг. на рассматриваемой территории было более сложное административное деление, включавшее ряд мелких районов — Дегтянский, Ламской и Сосновский.
8. С точки зрения Т. Ваграменко, советское государство породило гигантскую теорию заговора, получившую название «церковно-монархическое подполье», с помощью которой отдельных верующих и их группы привлекали к ответственности. См.: Vagramenko, T. (2021) "Visualizing Invisible Dissent: Red-Dragonists, Conspiracy and the Soviet Secret Police", in J. Kapáló, K. Povedák (eds) *The Religious Underground and the Secret Police in Communist and Post-communist Central and Eastern Europe. Religion, Society and Government in Eastern Europe series*, pp. 60–82. Routledge.

свет на генезис самих этих взглядов⁹. Именно в материалах следствия, пусть и с неизбежными искажениями, мы сталкиваемся с прямой речью верующих 1950-х гг. Верификацию и уточнение полученных данных мы производим путем обращения к другим группам источников. Мы опираемся на архивные и опубликованные материалы советского религиоведа А.И. Клибанова, руководившего экспедицией в Тамбовскую область в 1959 г. и курировавшего дальнейшие исследования ИПХ (истинно-православных христиан) в регионе, проводившиеся А.И. Демьяновым в 1960–1970-е гг. Кроме того, важным источником сведений о регионе является монография «Село Вирятино в прошлом и настоящем», изданная Институтом этнографии АН СССР по итогам этнографического изучения нового колхозного быта села Вирятино в 1952–1954 гг. Наконец, третья группа источников данного исследования — полевые материалы, собранные нами в ходе экспедиций в Тамбовскую область в 2018–2020 гг., в том числе интервью, документы и публикации, связанные с именем Насти Вирятинской.

Фигура Насти Вирятинской оказалась в фокусе нашего исследования благодаря знакомству с архивными материалами А.И. Клибанова¹⁰. В фондах содержится корпус полевых материалов проведенного под его руководством исследования религиозности населения и состояния сектантства в Тамбовской области в 1959 г.¹¹, а также часть материалов исследования по изучению духовного мира верующих (под руководством Р.А. Лопаткина, 1965 г.), проведенных помимо прочего в Сосновском районе Тамбовской области и материалы по изучению феномена «истинно-православного христианства», собранные А.И. Демьяновым (1960–1970-е гг.). В этих документах мы встретили неоднократное упоминание Насти Вирятинской, именуемой «знахаркой»¹², «местной святой»¹³, «полусумасшедшей, считавшейся среди ве-

9. Более подробно о достоверности информации, содержащейся в показаниях, полученных советскими следственными органами см.: Дюков А.Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3(47). С. 74–89.

10. ОР РГБ Ф. 648, АРАН Ф. 1908, ИРИ РАН Ф. 1. Р. XII.

11. Подробнее об экспедиции А.И. Клибанова и методике научной работы того периода см.: Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н.С. Хрущева // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 100–121.

12. ОР РГБ. Ф. 648. Оп. 55. Д. 1. Л. 16.

13. Там же. Л. 17.

рующих «ясновидящей»¹⁴ и т.п. После знакомства со статьей С.С. Алымова «Неслучайное село»¹⁵ (о селе Вирятино Тамбовской области, куда была отправлена еще в начале 1950-х гг. экспедиция Института этнографии для изучения нового колхозного быта), а также личного знакомства с автором статьи выяснилось, что память о Насте Вирятинской в регионе сохраняется до сих пор. В период с 2018 по 2020 гг. наша группа реализовала серию экспедиционных выездов в Тамбовскую область для изучения местной религиозности, в том числе почитания святых источников и колодцев, а также могил чтимых в народе блаженных и святых. Было установлено, что в Сосновском районе наиболее почитаемой сегодня является могила блаженной Нasti. Многие местные жители называют Настю Вирятинскую святой, однако такое почитание не находит поддержки у местного духовенства. Вопрос о возможности канонизации, который неоднократно поднимали местные жители, все еще остается открытым. Краткие сведения о Насте приводятся в трехтомнике «Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа»¹⁶. Наиболее подробные сведения содержатся в составленной журналистами брошюре «Жизнеописание блаженной прозорливой девицы Анастасии Криковой»¹⁷ (эту книжечку, как и фотографии Нasti, мы встретили во многих домах местных жителей).

В жизнеописании Анастасии Ильиничны Криковой¹⁸ (1901–1963) говорится о том, что она была из небогатой крестьянской семьи, в 1918 г. отряд Котовского¹⁹ проходил через ее родную де-

14. Демьянов А.И. Истинно-православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж. 1977. С. 35.

15. Алымов С.С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101(1). С. 109–129.

16. Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. Т. 3 / Тамб. митрополия; под. общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. протоиер. Александр Сарычев. Тамбов, 2014. С. 332–341.

17. Слава Царя Небесного... Жизнеописание блаженной прозорливой девицы Анастасии Криковой («Нasti Вирятинской»). Сост. Т. Маликова. М., 2016.

18. Больше известна как Настюня Вирятинская (по названию родного села Вирятино).

19. По версии одного из информантов, это был отряд Антонова. ПМА, Тамбов, 2020. Инф.: К-ва А.С., 1938 г. р. Соб.: Воронцова Е., Коршикова Е., Мельников И. Стоит отметить, что на этих землях ни Котовского, ни Антонова не было, а само восстание проходило в центральной и южной части области с начала 1921 г. Таким

ревню Вириятино, и кто-то из солдат хотел увести с их двора лошадей. Настя стала защищать лошадей, солдат выстрелил из револьвера рядом с лицом девушки. Она потеряла сознание, а когда очнулась, поведение ее сильно изменилось: стала говорить несвязными фразами, странно и вызывая себе вести. После неудачных попыток вылечить дочь родители отправились в Мамонтову пустынь²⁰. Там родителям было явлено, что родился у них «пророк — от земли до неба». Вскоре мать Насти Наталья заметила, что якобы бессвязные фразы, которыми говорила ее дочь, не были лишены смысла. Они напоминали притчи, с помощью которых Настя предугадывала будущие события. Наталья Исаевна научилась толковать их, и через какое-то время о Насе заговорили как о прозорливой. К ней шли люди из соседних сел и районов, чтобы получить совет в сложной жизненной ситуации, исцелить недуг или узнать судьбу близкого, ушедшего на войну. Прижизненное почитание Насти началось еще в 30-е гг. XX в. во время коллективизации, однако наибольшей интенсивности оно достигло в годы Второй мировой войны и последующие 50-е гг. Впоследствии ее дважды осуждали по 58 статье и отправляли на принудительное лечение в тюремных психиатрических клиниках Казани и Нижнего Новгорода. В 1963 г. А.И. Крикова скончалась и была похоронена на вириятинском кладбище, в 1990-е годы она была посмертно реабилитирована.

Копии материалов следственного дела Насти были переданы нашей исследовательской группе²¹ осенью 2019 года через информанта, близкого к кругу почитающих блаженную Настю как святу²². Документальные свидетельства, объемом в 83 листа, охватывают период с 7 ноября 1952 г. по 15 сентября 1960 г., а также содержат два документа о посмертной реабилитации, объявлен-

образом, описываемый эпизод мог произойти при подавлении локальных всплесков крестьянского недовольства карательными отрядами красновардейцев осенью 1918 г.

20. По словам одного из информантов, отправились к жившему там прозорливому старцу Прохору, ученику Серафима Саровского. ПМА, Тамбов 2019. Инф.: Т-в Н.В., 1960 г.р. Соб.: Воронцова Е., Коршикова Е.
21. В экспедиции принимали участие сотрудники исторического факультета МГУ Е. Воронцова, Д. Сундукова, Л. Горюшкина, сотрудники ПСТГУ Е. Коршикова (Юрченко), В. Елагина, сотрудник новгородского музея И. Мельников, доцент ТГУ А. Алленов и доцент РГГУ П. Чистяков.
22. ПМА. Ксерокопия дела № 1157 получена участниками экспедиции от Т-ва Н.В. в 2019 г. в г. Москве. Приводимая нумерация листов соответствует карандашным отметкам в деле.

ной в 1997 г. Главный фигурант первого дела, возбужденного в 1952 г., — А.И. Крикова — была направлена на принудительное лечение²³, по этому же делу было привлечено к уголовной ответственности еще 13 человек, которые обвинялись в том, что получали от Насти

враждебные против существующего в СССР социалистического строя наставления, направленные на саботаж всех проводимых советской властью мероприятий, к непризнанию советской власти вообще и неподчинению ее законам. Прикрываясь религиозными предрассудками, Крикова среди населения вела антисоветскую агитацию <...> в результате чего ее т.н. послушники <...>²⁴ арестованные по настоящему делу по месту своего жительства создали отдельные антисоветские группы²⁵.

Дело было прекращено в феврале 1955 г. Второе дело было начато в марте 1957 г.²⁶ и прекращено в 1960 г. По нему на принудительное лечение со строгой изоляцией, помимо А.И. Криковой, были направлены также Л.М. Кислякова (1919–2006), Л.Н. Щербинина-Смирнова-Павлова²⁷ (1926 — ум. после 1957); другие участники получали различные сроки²⁸. Согласно материалам дела, «Щербинина-Смирнова-Павлова, Кислякова Л.М. и другие объявили Крикову прозорливой и с ее помощью обрабатывали отсталую часть населения в антисоветском духе»²⁹.

К началу первого следствия по делу А.И. Криковой она уже почти год находилась на лечении в психиатрической клинике. Следствие длилось с 5 по 30 декабря 1952 г. По странному стечению

23. В отношении А.И. Криковой, после неоднократных ходатайств экспертных комиссий, 9.02.1955 г. дело было прекращено и принудительное лечение снято.

24. Список имен мы сознательно пропускаем.

25. ПМА. № 1157. Л. 33. Цит. из «Постановления о выделении материалов следствия в отдельное производство» от 14 декабря 1952 г.

26. Из материалов дела неясно, сколько всего человек было привлечено к ответственности, однако можно заключить, что как минимум три фигуранта дела — А. Крикова, Л. Кисляков и Л. Щербинина-Смирнова были отправлены на принудительное лечение.

27. Известна была под разными фамилиями.

28. Мы располагаем сведениями о реабилитации только А.И. Криковой и Л.А. Щербининой-Смирновой-Павловой.

29. ПМА. № 1157. Л. 13. «Постановление об объединении следственных дел» от 17.07.1957 г.

обстоятельств³⁰ именно в декабре 1952 г. экспедиционная группа П.И. Кушнера, после неудачных попыток найти образцовое село в соседней Воронежской области, избирает в качестве объекта исследования колхоз «Путь Ленина» села Вирятино³¹. Среди причин, по которым были отвергнуты другие колхозы, Кушнер отмечает в отчете:

Село Ливенка [Воронежской обл.] до сих пор является центром паломничества отсталых женщин, идущих на поклонение «святым» колодцам — в связи с этим местный быт сохраняет в себе много рутинного³².

Паломничеств к дому Насти московские исследователи не застали. В написанной по итогам экспедиционной работы 1952–1954 гг. монографии о новом колхозном быте религиозные воззрения местных жителей упоминаются лишь вскользь:

В Вирятине, как и в других селах Советского Союза, наряду с новыми, вполне определившимися социалистическим формами в быту продолжают сохраняться достаточно живучие пережитки прошлого, многие из которых связаны с религией³³.

Более подробные сведения о религиозных воззрениях местных жителей приводятся в сборнике по итогам другой экспедиции — А.И. Клибанова в 1959 г. В статье «К характеристике течения т.н. ИПХ» участница исследования З.А. Никольская называет основательницей течения молчальников³⁴ Любовь Кислякову:

30. Было ли следствие инициировано специально для «зачистки» села от реакционных элементов в ожидании столичной экспедиции — этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

31. См. подробнее: *Альмов С.С.* Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101(1). С. 109–129.

32. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 509. Л. 16–18. Цит. по *Альмов С.С.* Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно.

33. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни / Под ред. П.И. Кушнера. М., 1958. С. 11.

34. «Они провозгласили смерть благом, <...> повели себя в быту как живые покойники, объединившись на основе обета молчания. Они прекратили общение не только с окружающим населением, но и с теми единовѣрцами по ИПХ, которые не пожелали связать себя их изуверским обетом. Окна своих домов они заложили кирпичом и замазали глиной». См. подробнее: *Никольская З.А.* К характеристике

В 1955 г. в доме Криковой, в котором к этому времени поселилась Кислякова, было положено основание секты молчальников. Ближайшими помощниками Кисляковой стали вернувшиеся из заключения бывшие руководители ИПХ <...>. После того, как Любовь Кислякова, заболевшая шизофренией в 1957 г., была помещена в психиатрическую лечебницу, молчальники лишились своей главной руководительницы <...>. Дни этой изуверско-фанатической группировки уже сочтены³⁵.

В обличительной статье З.А. Никольской не упоминается о втором следствии по делу Насти, зато приводятся данные о массовой передаче детей молчальников в детские дома области³⁶. Исследовательница констатировала деградацию и распад групп ИПХ³⁷.

Рассматриваемые ниже материалы — лишь частный случай масштабной борьбы с «антисоветскими элементами», однако мы обращаемся к ним как к яркому примеру развертывания локальных практик народной религиозности в условиях антирелигиозной пропаганды. Стоит еще раз подчеркнуть, что мы обращаемся к этому богатому сюжету для выявления тех механизмов, тех движущих сил, которые лежали в основе описываемого поведения.

Переходя к анализу материалов следственных дел, необходимо отметить, что мы отдаем себе отчет в том, что обращаемся к специфическому типу архивных источников, при изучении которых, как и в случае с более распространенным источником — документами из фонда уполномоченного по делам религий³⁸, необходимо учитывать их тенденциозность, репрезентацию официальной версии событий. В сухих и кратких материалах дел слишком многое остается скрытым и замалчиваемым. Формулировки обвинений и материалы следствия направлены на поиск у обвиняемых антисоветских действий. Для удобства дальнейшего анализа мы

ке течения так называемых истинно-православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX. М., 1961. С. 173.

35. Там же. С. 173–177.

36. Там же. С. 175.

37. Эти выводы оказались преждевременными. А.И. Демьянов продолжал изучение оказавшихся очень устойчивыми ИПХ в Черноземье в 1960–1979-е гг.

38. Митрохин Н. Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4(30). С. 505–511; Люрман С. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4(30). С. 485–504.

выделили несколько тематических групп этих коллективных действий и обозначили их (в духе П. Бурдье) практиками.

1) Практики политического неучастия: отказ от участия в выборах, вступления в общественные организации, подписания «советских бумаг».

Из допроса одного из обвиняемых (от 7 ноября 1952 г.), Серафима Т-ча К-ва, мы узнаем, что Серафим был религиозен с детства. Он ушел воевать на фронт, но получил ранение и вернулся в Тамбовскую область. Травма, повлекшая за собой инвалидность и неспособность работать, побудила его снова обратиться к вере и чтению Евангелия. Показания обвиняемых по делу, в центре которого изначально стоял Серафим К-ов, послужили причиной к выделению дела Насти Вирятинской в отдельное производство:

– В действующую церковь я не ходил, поскольку считал, что там все священники советские и не проповедуют старую веру, а наоборот, проповедуют новую веру и стоят за советскую власть, за проведение в жизнь ее законов³⁹. Так как советская власть идет против религии, в школе о религии не преподают, всюду религиозные праздники не соблюдают, то я с 1947–48 гг. отказался от участия во всех проводимых советским правительством мероприятиях, как то: в выборах в советы, от подписки на госзайм, от уплаты налогов.

Вопрос: Кто же вас обрабатывал в антисоветском духе?

– Будучи религиозным, я часто ходил к старухе⁴⁰ по прозвищу «Настя Вирятинская»⁴¹.

Серафим К-в был не просто заходянином у юрודивой Насти Вирятинской, он, вероятно, относился к числу ее духовных чад, которым она давала особые послушания (например, обет молчания). Из упомянутой статьи З.А. Никольской и материалов Тамбовского архива мы можем извлечь некоторые подробности его дальнейшей судьбы: после освобождения (в 1955 г.) он вновь при-

39. Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника.

40. По всей вероятности, это формулировка следователя, т.к. сам Серафим К-в, участник войны, духовный сын Насти, вряд ли мог назвать ее «старухой».

41. ПМА, № 1157. Л. 15.

мкнул к сторонникам Насти, стал одним из лидеров движения «молчальников». Был выселен из родной деревни весной 1958 г.⁴² и умер (не позднее 1959 г.) от туберкулеза, «отказавшись от помощи врачей»⁴³.

Другой обвиняемый, Михаил Д-ев, также вспоминал о наставлениях Насти Вирятинской (допрос от 3 декабря 1952 г.):

В моем присутствии некоторые лица, которых сейчас не припомню, спрашивали у Насти, можно ли голосовать или можно ли подписываться на советских бумагах. Настя отвечала или «грех перед богом» или говорила какие-либо отвлеченные притчи⁴⁴.

На допросе свидетеля Николая К-ова — родного брата арестованного Серафима (12 декабря 1952 г.) формулируется развернутая версия описания данной практики и группы ее носителей:

Сколотив вокруг себя группу так называемых истинно-православных христиан, состоящую из наших родственников и из с. Ламок, он как в индивидуальном порядке каждому из участников, так и на проводимых им тайных собраниях всегда нас наставлял, чтобы мы «истинные христиане» не признавали советскую власть, так как она идет против нашей религии, не подчиняться ее законом, которые идут против наших идей, ни в чем не поддерживать советскую власть и не участвовать в проводимых ею мероприятиях, поскольку они подрывают наши идеи «истинного христианства», а исходя из этого, говорил Серафим, мы не должны ходить на выборы, в противном случае мы будем поддерживать власть якобы антихриста, под которым подразумевается советская власть, не должны поддерживать воззвания против войны⁴⁵.

Эта группа практик в материалах дела описывается как наиболее значимая для вынесения обвинительного приговора. Однако очевидный политический фасад скрывает более сложное содержание: в основе практик, как видно из материалов дела и интервью,

42. Решение Исполнительного комитета Дегтянского районного Совета депутатов трудящихся Тамбовской области № 98/с от 7 апреля 1958 года [о выселении в отдаленные места Союза за паразитический, антиобщественный образ жизни]. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2-с. Д. 43. Л. 13.

43. Никольская З.А. Там же. С. 175.

44. ПМА. Д. 1157. Л. 28.

45. Там же. Л. 24.

лежит радикальное неприятие того общественного устройства, которое объявило войну повседневной локальной религиозной жизни фигурантов дела.

Уже первые страницы следственного дела погружают нас в реалии нормативного советского послевоенного поведения: люди трудятся в колхозах и на предприятиях, ходят на выборы местных советов, ставят свои подписи на советских документах, но появляется какая-то группа, которая отказывается от выполнения этих ставших уже рутинными действий. Можно видеть, что фигуранты дела описываются как носители особой идеологии «истинно-православных христиан»⁴⁶, которые отказываются поддерживать советскую власть и проводимые ею мероприятия из-за своих религиозных взглядов, а наставляет их Настя Вирятинская, а также ряд близких к ней лиц. Причем в материалах следствия в отношении обвиняемых А.И. Криковой, Л.М. Кисляковой, Л.П. Щербининой-Смирновой неоднократно указывается, что они нуждаются в «принудительном лечении» и являются невменяемыми⁴⁷. Среди признаков невменяемости судебно-медицинские эксперты, в частности, указывают:

[из акта судебно-психиатрической экспертизы на больную Щербинину-Смирнову] отмечается ограниченность общих познаний, узость мышления, целиком и полностью увлеклась религией молясь, читая религиозные книги, прислуживая «верующим» иногда за плату, но чаще «за так — ради господ». Эмоционально тупа, манерна, неадекватна в поведении. На основании всего вышеизложенного мы приходим к заключению, что Смирнова-Щербинина обнаруживает хроническое расстройство психической деятельности в форме шизофрении с явлениями религиозного фанатизма, как душевно больная в отношении инкриминируемого ей деяния невменяема. Подлежит принудительному лечению со строгой изоляцией⁴⁸.

Таким образом, деятельная религиозность с точки зрения власти оказывается признаком шизофренического расстройства, ненормативное поведение — нуждающимся в принудительном лечении и изоляции.

46. Стоит напомнить, что первая волна гонений на ИПХ началась в конце 1920 — начале 1930-х гг. Подробнее см.: Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Мемориал [<http://histor-ipt-kt.memo.ru/>, доступ от 1.11.2020].

47. ПМА, Д. 1157. Л. 64–65, Л. 79.

48. Там же. Л. 83–84.

2) Религиозные практики: отказ от посещения официальной церкви, собрания верующих на дому, домашняя молитва, проповедь, молчалиничество.

Обозначенные практики мы встретили в цитатах пяти фигурантов двух следственных дел. Приведем наиболее яркий пример:

В беседе с ней [Настей], она мне говорила, что теперешние действующие церкви неправильно служат богу, они служат советской власти, которая сама идет против религии <...> Говорила она, чтобы твердо стоять за старую веру⁴⁹, соблюдать все религиозные праздники, не поддаваться советскому влиянию и не сворачивать с православного истинно-христианского пути, не посещать теперешние церкви, а лучше молиться на источниках и у себя в домах⁵⁰.

В этой цитате необходимо зафиксировать несколько важных установок: церкви посещать не нужно, т.к. они служат безбожной власти, нужно соблюдать все религиозные праздники, молиться на источниках или у себя в домах. Борьба с тайными молениями на дому и у источников была важным направлением в деятельности тамбовского уполномоченного по делам РПЦ в 1950–1960-е гг.⁵¹ Материалы уполномоченного и агитационная литература тех лет⁵² пестрят указаниями на массовые собрания верующих с участием монашек, юродивых и калек у чтимых источников. Для рассматриваемого региона есть ряд местных, общепризнанных святынь, о которых упоминают почти все информанты: это Мамонтово озеро, источник Симеона (за селом Троицкая Вихляйка). Святые места оказываются местом молитвы, чудес, обмена информацией, знакомств, а также служат для поддержания горизонтальных связей в сообществе. Кроме того, большинство наших информантов из этого региона за советом обращались к одним

49. В регионе до сих пор приверженцев этих радикальных взглядов называют «староверами», «баптистами». Использование этих терминов указывает не на конфессиональную принадлежность их носителей, а на инаковость их взглядов и реализуемых ими практик.

50. ПМА. Д. 1157. Л. 15.

51. См. подробнее: Чеботарев С.А. Борьба с нелегальными служениями. Ликвидация святых источников // Тамбовская епархия 40–60 гг. XX в. Тамбов, 2004. С. 181–194; Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 232–256.

52. См. напр.: Витковский И.Г. Правда о «святых» источниках. Тамбов, 1961.

и тем же юродивым (это, прежде всего, Настя Вирятинская, кроме того, ее ученица Любушка — Л. Кислякова, блаженный Федор (из села Титовка) и ряд других). После смерти начинается почитание могил юродивых наравне с могилами других местных подвижников, например, Прохора (село Отяссы). Сам код юродства безошибочно считывается местным населением⁵³.

С официальной точки зрения, ненормативное поведение маргинализирует группу «религиозных фанатиков», такая группа должна утратить привлекательность и авторитет у советских граждан. Однако местные жители указывают, что поток просителей к Насте не иссякал и между двумя периодами принудительного лечения, и в последние годы жизни. Кроме того, Настя Вирятинская предсказывала некоторым своим сторонникам новые гонения⁵⁴, которые должны будут привести к спасению души.

В том же деле мы находим и свидетельские показания о типичных «сборищах» в доме упомянутой Насти:

Наиболее массовое сборище в доме Криковой было на религиозный праздник Крещение — это примерно 19 января 1957 года. Как мне помнится к этому времени был опубликован указ правительства о проведении выборов в местные советы. Видимо, они обсуждали, как им отнестись к этому мероприятию⁵⁵.

Указание на регулярные встречи представителей этой «преступной» группы должно было по логике следствия легитимировать наказание сразу нескольких участников этих сходов, а также подчеркнуть преднамеренный, повторяющийся характер реализуемых ими действий. Тут важно пояснить, как именно воспринималась фигура Насти Вирятинской в деревенской среде и что за люди приходили к ней ежедневно. Настя Вирятинская в рассказах современников чаще всего именуется «блаженной». Она говорила «притчами», ее высказывания часто нуждались в дальнейшем толковании (которое брали на себя ее последователи

53. Представление о юродстве — неотъемлемая часть местного обихода. Или, говоря словами А.С. Лаврова: «юродство — это константа русской религиозности». См.: Лавров А.С. Юродство и «регулярное государство» (конец XVII — первая половина XVIII в.). Т. 52: Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. С. 443.

54. Эти гонения действительно последовали — в начале 1960-х гг. после новых судебных процессов многие духовные дети Насти были сосланы в Красноярский край. (ПМА, 2020).

55. ПМА. Д. 1157. Л. 24.

и близкие), однако, как замечает большинство информантов, она «часто угадывала [судьбу просителя]», «ей было многое открыто»⁵⁶. Вопреки попыткам следствия представить Настю в качестве политического лидера подпольной группы⁵⁷, она была в первую очередь чтимой старицей, болящей, но в то же время способной наставить, поддержать и даже излечить. Большая часть стекавшихся к ней из окрестных деревень людей — однократные просители (шли в войну узнать о судьбе близких, шли испросить совета о вступлении в брак, шли в болезнях и скорбях)⁵⁸. Однако были и «духовные чада», которых она наставляла регулярно и предсказывала им гонения и лагеря. Готовность к страданиям, принятие подвига мученичества — частый сюжет в рассказах о наставлении Насти ее ближайшему окружению:

Она [Настя] заранее им говорила: «Вас угонят, но вы держите свою веру и вас не тронут...». И правда в 61-м году их угнали. Милиция привезла их в наш клуб всех... их было три сестры, моя тетя и еще две женщины... А этих двух женщин родители были живы..., и они все собрали им сумочки наготовили: все и сахар. А они [в тюрьме] им ничего не передали...они хотели, чтоб их тоже побили и угнетали...им суд был... Я в 58-м году вышла замуж, и они уже не разговаривали... Она [тетя] даже с родной матерью не разговаривала... у них вера такая была, и они ее так приняли... они Серафима Саровского так читали, он ушел и молился, и ни с кем не разговаривали...⁵⁹.

В этом фрагменте, записанном летом 2020 г., отражена и практика молчания, которую респондент (племянница одной из репрес-

56. Упоминания об этом мы неоднократно фиксировали в интервью. (ПМА, 2018–2020).

57. Из постановления на арест и обыск А.И. Криковой от 2.12.1952 г.: «Крикова враждебно настроена по отношению к существующему в СССР общественному и политическому строю, среди населения проводит антисоветскую агитацию против проводимых партией и советским правительством мероприятий. Во враждебных целях сколачивала и вдохновляла антисоветские группы церковников, последователей «истинно-православных христиан», участников которых призывала не работать в колхозе, не обучать своих детей в школе, не участвовать в выборах органов Советской власти». ПМА. Д. 1157. Л. 4.

58. В нашем экспедиционном архиве на сегодняшний день около 30 различных историй разового посещения Насти Вирятинской, а также около десятка развернутых описаний жизни ее «духовных чад».

59. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: Н-ва А.М., 1940 г.р. Соб.: Мельников И., Коршикова Е., Воронцова Е.

сированных женщин) связывает с фигурой Серафима Саровского. Сам термин «молчальники», «молчуны» до сих пор известен местным жителям. При этом те, кого так называли, избегали избыточного общения, но, как правило, вполне соблюдали формулы деревенской вежливости:

Мы их молчанки и молчанки [называли]. Вот первая, она с [19]29, Катя. Она со мной несколько раз разговаривала. Скажет два слова. Но не остановится, не поговорит⁶⁰.

Сотрудничество с властью осознавалось как препятствие к спасению души. «Духовных чад» Настя предостерегала от такого сотрудничества, об этом вспоминают современные информанты:

А дядя В. стежинский говорит, что пришел к Насте, и не знал, что его в тюрьму заберут, а Настя ему говорит: Тебе дадут карандаш, а ты не бери, а то не спасешься. И думает, какой карандаш, ехал на лошади, и думал. А потом время приходит, его насильно забирают в сельсовет и говорят: Давай, подписывайся. А что подписывайся... Не говорил. Они его посадили и дают в руки карандаш. Он не подписывает и вспомнил. Его посадили на семь лет в ссылку. В Соловках^{61,62}.

Народное толкование религиозных норм оказывалось далеким от церковной политики 1950-х гг. Если тамбовский архиепископ под давлением уполномоченного по делам религии прямо запрещал священноначалию участие в крестных ходах и молебнах на источниках⁶³, то сельские жители именно на источниках отмечали многие религиозные праздники, в ситуации недостатка храмов и часовен именно там устраивали коллективные моления, наконец, именно на колодчиках и источниках набирали святую воду

60. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: К-ва А.С., 1938 г.р. Соб.: Мельников И., Коршикова Е., Воронцова Е.

61. Скорее всего, слово «Соловки» используется здесь как нарицательное. Большинство репрессированных были сосланы в Красноярский край.

62. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: И-на Н.И., 1973 г.р. Соб.: Алленов А., Чистяков П., Коршикова Е., Воронцова Е.

63. Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4(30). С. 240; см. также: Левин О. Тамбовская епархия при архиепископе Иоасафе (Журманове): 1946–1961 гг. // Тамбовские епархиальные ведомости. 2020. № 10 (154). С. 36–41.

для освящения жилища и хозяйства. В народе сохранялся авторитет юродивых, а их наставления для части верующих (особенно в ситуации отсутствия авторитетных священников) были руководством к действию, не только в решении житейских вопросов (брак, болезнь, работа), но и в кардинальной перестройке всей жизни — исполнению послушаний: странничества, обета молчания, выхода из колхоза и т.п., а также готовности к принятию страданий от безбожной власти.

3) Экономические практики: отказ от заработной платы, подписки на госзайм, пенсий и социальных выплат, отказ от уплаты налогов.

Ряд обвиняемых указывали не только на политическое неучастие, но и на сознательный отказ от государственных выплат:

отказываться от уплаты налогов и других госпоставок, от госзайма <...> отказываться от каких бы то ни было пенсий и пособий от советской власти⁶⁴.

Фактически эти формулировки фиксировали лишь отдельные варианты более широкого спектра местных экономических практик. Об одной из духовных чад Насти в 2020 г. нам рассказали следующее:

Настя ей [бабушке П.] тоже дала подвиг: в тюрьме отсидеть, деньги не брать, ни у кого ничего не брала, была затворницей и ни с кем не общалась⁶⁵.

Среди тех, кто не был в ссылке, подобные практики, как отмечают современные респонденты, также не были редкостью:

Бабушка пенсию не получала, грех был пенсию получать. Катали сами свечки, и вот что продаст, на то и жила. Пенсия — это грех, сатане предавать свою душу⁶⁶.

64. ПМА. Д. 1157. С. 24.

65. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: И-на Н.И. 1973 г.р. Соб.: Алленов А., Чистяков П., Коршикова Е., Воронцова Е.

66. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: Г., ок. 1956 г.р. Соб.: Мельников И., Коршикова Е., Воронцова Е.

Наиболее последовательные сторонники Насти долгое время находились в ссылке, затем часть из них вернулась в родные деревни. В одном из интервью 2020 г. нам так описали хозяйственную жизнь одного их бывших ссыльных:

Жили сами. Шили фуфайки, безрукавки, одеяла стегали, шлепки, делали рукавицы, иконы убирали... все делали и на это жили. В лес ходили, дрова заготавливали, рубили и на себе таскали. Лес далеко, километра два. И дом ремонтировали. И жили на свечки. Мы все у них свечки покупали⁶⁷.

Такого рода деятельность оказывалась опять-таки под прицелом уполномоченных по делам религий и местного руководства, поскольку противоречила принципам «советскости». Выжить в условиях отказа от государственных выплат и пенсий помогали крепкие горизонтальные связи «духовных чад» и ближнего круга, происходило их вынужденное сплочение, о котором до сих пор вспоминают многие информанты.

4) Трудовые практики: отказ от вступления в колхозы и участия в «общественно-полезном труде».

В Сосновском районе к 1931 г. было создано около 70 колхозов⁶⁸. Одним из самых успешных в 1950-е гг. считался колхоз «Путь Ленина» села Вирятино⁶⁹. В то же время еще с конца XIX в. в этом регионе получили широкое распространение отходничество, промыслы — были востребованы лесорубы, плотники, углекопы и т.п.⁷⁰ Представители ИПХ отказывались от участия в санкционированных государством трудовых отношениях, вместо этого источником средств служили крошечные приусадебные участки, соби́рание грибов и ягод, а также уже упомянутые отходничество и различные промыслы (об этом вспоминают и многие современные респонденты):

67. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: Т.П. Соб.: Алленов А., Чистяков П., Коршикова Е.

68. 85 лет Сосновскому району. Из прошлого в настоящее. Сосновка, 2013. С. 11.

69. Укрупнение колхозов и создание совхозов относится к 1961–65 гг. См.: 85 лет Сосновскому району. С. 11.

70. Кушнер, с. 29

Шли когда наши мужики, всегда испокон века славились — пилить ходили, как зима прогнать — на заработки, работать негде было⁷¹.

В деле мы встречаем прояснение мотивов отказа от вступления в колхоз (от 11 ноября 1952 г.):

На путь против советской власти я встала с периода коллективизации, когда я увидела, что в нашем селе, да слышала, что и в других селах закрыли церкви, куда я ходила с малых лет по наставлению своих родителей. Будучи религиозной, я слышала от старых людей, что организуемые в то время советской властью колхозы не от «бога», да и сама советская власть идет против религии, поэтому я не вступала в колхоз и была единоличницей до последних дней⁷².

Обвиняемая прямо говорит о религиозных мотивах своего поведения. Тут стоит внести ряд серьезных уточнений: выбор в пользу единоличного хозяйства был достаточно распространенным среди местного населения. Так, в деревне Степь Сосновского района респонденты сообщили нам о том, что большая часть жителей — беглецы от колхозного строительства, единоличники⁷³. В то же время отказ от вступления в колхоз приводил к набору лишений: 5–15 соток вместо 40 соток у колхозников⁷⁴, запрет на пользование колхозными выгонами, пастбищами для личного скота⁷⁵ и др.

В самом общем виде указанные практики, на наш взгляд, были неизбежной реакцией неконформистского крыла местных носителей локального православного обихода. Формы локальной коллективности поддерживались через набор воспроизводящихся материальных, внешних (структура быта, жилища, привычек) и внутренних (набор ритуалов, привычек и т.п.) условий. Этот га-

71. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: Г., ок. 1956 г.р. Соб.: Мельников И., Коршикова Е., Воронцова Е.

72. ПМА. Д. 1157. Л. 26.

73. ПМА. Тамбов 2020. Полевой дневник Е. Воронцовой.

74. Данные приводятся со слов информантов.

75. Яхновская С. «Устарел наш колхозный Устав». Приусадебное землепользование колхозников и его государственное регулирование (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Родина. 2015. № 4(415). С. 121–123.

битус/обиход русского православного тамбовского крестьянина⁷⁶ включал в себя в том числе описанные выше знание молитв, чтение и переписывание определенной духовной литературы — в том числе акафистов, духовных стихов⁷⁷ и т.п. Его носителями были выходцы из земледельческих семей, которые не первое поколение живут на одной и той же территории, в их домах висят иконы, православный календарь организует их год, ключевые события жизненного цикла — рождение, свадьба, смерть, также организованы согласно этим представлениям. В качестве сакральных мест воспринимаются храмы, источники, кладбища. В трудных жизненных обстоятельствах они испытывают потребность в духовном руководстве и в отсутствие священника нередко обращаются за советом к блаженным, юродивым. В некоторых случаях для достижения желаемого совершаются ближние и дальние паломничества.

В ходе полевой работы в регионе мы встретили красные углы практически во всех посещаемых нами домах, кроме того, в регионе сохранилась традиция украшения, «убирания» икон подручными материалами — бусами, бумагой, фольгой и т.п. О месте икон в сельских домах в начале 1960-х гг. важные сведения содержат материалы уже упомянутого исследования духовного мира верующих⁷⁸, в котором, в частности, приводятся сведения о наличии икон повсеместно в домохозяйствах респондентов Сосновского района.

Идея мученичества была органической частью православного обихода и вызов власти, внешнее вмешательство в повседневную жизнь участников описанных локальных практик неизбежно вызывали у наиболее радикальной части его приверженцев коллективное действие, мобилизацию⁷⁹. Желание нести свой крест подкреплялось не только коллективным одобрением, но и приписыванием носителям этих практик определенных «даров»: способности к исцелению, предсказанию будущего. Так, в полевом интервью (2020 г.) врач психиатрической клиники, где находи-

76. См. подробнее: *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2007.

77. *Алленов А. Н.* Концепты «церковь ложная» и «истинная церковь» в стихотворных текстах истинно-православных христиан // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России. Тамбов, 2013. С. 408–415.

78. ОР РГБ. Ф. 648. Оп. 55. Д.1.

79. См. об этом: *Голофаст В.* Глобализация и место морали // *Телескоп*. 2004. № 2. С. 3.

лась одна из фигуранток дела (Л. Кислякова, добровольно оставшаяся в психиатрической клинике уже после отбытия наказания по делу 1957 г.) приводит следующие ее слова: «Я со своего креста не сойду и буду здесь до конца»⁸⁰. В то же время целый ряд респондентов, посещавших блаженную Любушку в больнице в 1990–2000-е гг., рассказывает о случаях исцеления и предвидения⁸¹. Сами чтимые юродивые отчасти выполняли роль своеобразного камертона, возвращавшего окружающих в правильную тональность (т.е. соответствующую локальному обиходу). Приведем две характерные истории:

Потом еще она [Настя] говорила, когда моя свякровь — поминащие субботы были — носили конфеты и печенье. «Это хулиганы, — вот так она говорила, — надо печь блины!»⁸².

Вот это самое Екатерина наша ходила два раза к ней [к Насте]. Живая-живая, молодая была. У ней двоюродный брат в нее влюбился, она пошла к Насте спросить: «Выходить мне замуж за него?», она сказала: «Нет, грех непростительный, нельзя»⁸³.

Таким образом, в условиях репрессий со стороны власти и прямой угрозы локальному обиходу сообщества возможной формой развертывания габитуса становится набор радикальных практик, в том числе призывы к мученичеству — т.е. сознательному, открытому выражению своих взглядов, которое может повлечь за собой наказание вплоть до смерти⁸⁴. Такая форма органически присуща православному габитусу и уже не раз встречалась в отечественной истории (яркий пример — старообрядческие гари в XVIII в.). Поведение радикального крыла встречает одобрение со стороны сообщества в целом, что приводит к дальнейшей сакрализации связанных с участниками описанного дела предметов и мест. Так, почитаются и облагораживаются могила блаженной Насти в Ви-

80. ПМА. Тамбов, 2020.

81. ПМА. Тамбов 2020. Полевой дневник Е. Воронцовой.

82. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: К-ва А.С., 1938 г.р. Соб.: Воронцова Е., Коршикова Е., Мельников И.

83. ПМА. Тамбов 2020. Инф.: Г-ва А., 1946 г.р. Соб.: Елагина В., Коршикова Е., Мельников И.

84. Здесь мы вполне солидарны с определением мученичества, приводимым Галликсон: Gullickson Gay, L. (2008) "Emily Wilding Davison: Secular Martyr", *Social Research* 75(2): 461–484.

рятино, блаженной Любушки в Подлесном, материалы об их жизни собираются и фиксируются местными группами активистов. Юродивые (а позднее — их могилы) и святые источники оказываются важным узлом в рассматриваемых сообществах: вокруг них происходит постоянная пересборка образа святости (через притчи и их воплощение, запрос на лечение и исцеление, прямое предсказание, в том числе в видениях, снах, и скорая реализация пророчества) в соответствии с локальным обиходом. На наш взгляд, именно локальный обиход, сложившийся на протяжении жизни целого ряда поколений тамбовских крестьян, проживающих на одной и той же территории, породил описанные выше на материалах дела протестные практики. Мы надеемся, что предложенная объяснительная модель позволяет уйти от соблазна объяснения всех происходивших в годы советских гонений событий исключительно политическими мотивами⁸⁵: сугубо политические мотивы видят в действиях тамбовских групп ИПХ следователи (подробный анализ следственных дел представлен в нашей статье); сходные интерпретации обнаруживаются у советских исследователей: «История таких групп, как “истинно-православные христиане”, “истинно-православная церковь” показывает, как в руках политических проходимцев религия может быть использована для внушения обманутым верующим вражды к советскому строю»⁸⁶. Многие современные исследователи также усматривают политические мотивы в качестве ведущих в протестной деятельности советского крестьянства. Так, Л. Виола пишет: «Причины массовых выступлений коренились в “классовой” природе крестьянского недовольства»⁸⁷. Наконец, один из самых цитируемых современных антропологов, Дж. Скотт также «рассматривал повседневное сопротивление крестьян как специфическую форму неорганизованной, но успешной классовой борь-

85. Так в предисловии к пятому тому «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» читаем: «Основное внимание исследователей сосредоточено на политической направленности и политических последствиях террора, на его организации через выколачивание признаний жертвами террора, наконец, на создание обстановки всеобщего страха и безгласного подчинения командно-репрессивной диктатуре вождя». С. 8.

86. Клибанов А.И. Предисловие // Современное сектантство и его преодоление. По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX. М., 1961. С. 5.

87. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 226.

бы»⁸⁸. Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, политический фасад скрывал более сложное содержание: в основе описанных практик находилось радикальное непринятие того общественного устройства, которое стремилось полностью разрушить локальный православный обиход.

В данной работе мы старались избежать подмены объяснения описанием, в результате чего значительная часть полевого материала оказалась за скобками данной публикации⁸⁹.

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Тамбовской области

Ф. Р-5220. Оп. 2-с. Д. 43. Л. 13.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Ф. 648. Оп. 2. Д. 22.

Ф. 648 Оп. 55. Д. 1.

Литература

85 лет Сосновскому району. Из прошлого в настоящее. Сосновка, 2013.

Аленов А.Н. Концепты «церковь ложная» и «истинная церковь» в стихотворных текстах истинно-православных христиан // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России. Тамбов: изд. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2013. С. 408–415.

Альмов С.С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно / Новое литературное обозрение. 2010. № 101(1). С. 109–129.

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд. СПб ун-та; Петербургское Востоковедение, 2007.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Витковский И.Г. Правда о «святых» источниках. Тамбов: книжное издательство, 1961.

Голофаст В. Глобализация и место морали // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 2. С. 2–11.

Демьянов А.И. Истинно-православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та. 1977.

88. См.: Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 202. См. также: Scott J.C. Seeing like a state: how certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven: Yale University Press, 1998.

89. Мы надеемся отчасти восполнить этот пробел в готовящейся к печати книге «Деревенские святыни».

- Дюков А.Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3(47). С. 74–89.
- Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Мемориал. [<http://histor-ipt-kt.memo.ru/> доступ от 1.11.2020].
- Лавров А.С. Юродство и «регулярное государство» (конец XVII — первая половина XVI в.) / Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 432–447.
- Левин О. Тамбовская епархия при архиепископе Иоасафе (Журманове): 1946–1961 гг. // Тамбовские епархиальные ведомости. 2020 № 10(154). С. 36–41.
- Люрман С. Что мы можем знать о религиозности советского периода? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // ГРЦ. 2012, № 3-4(30). С. 485–504.
- Митрохин Н. Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // ГРЦ. 2012, № 3-4(30). С. 505–511.
- Никольская З.А. К характеристике течения так называемых истинно-православных христиан / Современное сектантство и его преодоление. По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г. Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX. М., 1961. С. 161–188.
- Панченко А.А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- ПМА (полевые материалы авторов). Личный архив В.Н. Т-ва, включающий копии материалов следственных дел А.И. Криковой. (Архивное управление ФСБ по Тамбовской области. Д. № 1157. Л. 89).
- ПМА. Тамбов 2020. Полевой дневник Е.Воронцовой.
- Священнослужители, монашествующие и миряне Тамбовской митрополии, пострадавшие за Христа. В 3 т. Т. 3 / Тамб. митрополия; под. общ. ред. митр. Тамб. и Рассказов. Феодосия; сост. протоиер. Александр Сарычев. Тамбов: ОАО «Издательский дом «Мичуринск», 2014.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни / Под ред. П.И. Кушнера. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Славя Царя небесного... [Текст]: жизнеописание блаженной прозорливой девицы Анастасии Криковой (Насти Вирятинской) / Сост. Т. Маликова. М., 2016.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004.
- Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных кампаний Н.С. Хрущева // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 100–121. (Пер. с нем.).
- Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // ГРЦ, 2012, № 3-4(30). С. 232–256.
- Чеботарев С.А. Борьба с нелегальными служениями. Ликвидация святых источников // Тамбовская епархия 40–60 гг. XX в. Тамбов: «Изд. ЮЛИС», 2004. С. 181–194.
- Яхновская С. «Устарел наш колхозный Устав». Приусадебное землепользование колхозников и его государственное регулирование (конец 1950-х–начало 1960-х гг.) / Родина. 2015. № 4(415). С. 121–123.

Archival materials

Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of Tambov region]

F. R-5220. Op. 2-s. D. 43. L. 13.

Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of manuscripts, Russian State Library]

F. 648. Op. 2. D. 22.

F. 648. Op. 55. D. 1.

Literature

85 let Sosnovskomu raionu. Iz proshlogo v nastoiashchee (2013) [85 years of the Sosnovsky district. From the past to the present.]. Sosnovka.

Alymov, S.S. (2010) Nesluchaynoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti «ot starogo k novomu» i obratno [Non-accidental village: Soviet ethnographers and collective farmers on the way “from old to new” and back, in New Literary Observer], *Novoe literaturnoe obozrenie* 101(1): 109–129.

Bernshtam, T.A. (2007) *Prikhodskaiia zhizn' russkoi derevni: ocherki po tserkovnoi etnografii* [Parish life of the russian village: essays on the church ethnography]. SPb.: Izd. SPb un-ta, Peterburgskoe Vostokovedenie.

Bourdieu, P. (2001) *Practicheskii smisl* [Practical sence]. SPb.: Aleteia.

Chebotaev, S. A. (2004) *Bor'ba s nelegal'nymi sluzheniiami. Likvidatsiia sviatykh istochnikov, in Tambovskaiia eparkhiia 40–60 gg. XX v.* [Fight against illegal ministries. Elimination of saints sources]. Tambov: “Izd. IuLIS”: 181–194.

Danilov, V., Manning, M. (eds) (2004) *Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession]. Vol. 5. 1937–1939. Kn. 1. 1937. M.: “Rossiiskaia politicheskaiia enciklopediia” (ROSSPEN).

Dem'ianov A.I. (1977) *Istinno-pravoslavnoe khristianstvo. Kritika ideologii i deiatel'nosti* [True Orthodox Christianity. Criticism of ideology and activities]. Voronezh: Izd. Voronezhskogo un-ta.

Dyukov, A.R. (2018) “K voprosu o dopustimosti ispol'zovaniia sledstvennykh pokazanii, poluchennykh organami OGPU-NKVD” [On the issue of acceptability of using the investigative testimony obtained by OGPU-NKVD], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskii region. Gumanitarnyye nauki* 3(47): 74–89.

Golofast, V. (2004) “Globalizatsiia i mesto morali” [Globalization and the place of morality], *Teleskop: nabludeniia za povsednevnoi zhizn'iu peterburzhtsev* 2: 2–11.

Gullickson, G.L. (2008) “Emily Wilding Davison: Secular Martyr”, *Social Research* 75(2): 461–484.

Huhn, U. (2012) “S ikonami i pesnopeniiami, ili episkop, sbezhavshii ot svoikh prikhozhan. Massovye palomnichestva v Rossii epokhi Stalina i Khrushcheva” [With Icons and Psalms, or a Bishop in Flight from his Flock. Mass Pilgrimages in Russia in the Times of Stalin and Khrushchev], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3-4(30): 232–256.

Huhn, U. (2016) “Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des “zeitgenössischen Sektierertums” im Rahmen von Chruschtsëvs antireligiöser Kampagne”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 64 (2): 260–298.

Iz istorii goneniya Istinno-Pravoslavnoi (Katakombnoi) Tserkvi [From the history of the persecution of the True Orthodox (Catacomb) Church], in *Memorial* [http://histoript-kt.memo.ru/, accessed on 1.11.2020].

- Kushner, P.I. (1958) *Selo Viryatino v proshlom i nastoyashchem. Opyt etnograficheskogo izucheniya russkoy kolkhoznoy derevni* [Village Viryatino in the past and present. Experience of ethnographic study of the Russian collective farm village]. M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
- Lavrov, A.S. (2001) "Yurodstvo i "regulyarnoye gosudarstvo" (konets XVII — pervaya polovina XVIII)" [Foolishness and the "regular state" (late 17th — first half of the 18th century)], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 52, pp. 432–447. Spb.: Dmitriy Bulanin.
- Levin, O. (2020) "Tambovskaya eparkhiya pri arkhiepiskope Ioasafе (Zhurmanov): 1946–1961 gg." [Tambov Diocese under Archbishop Joasaph (Zhurmanov): 1946–1961], *Tambovskie eparkhial'nyye vedomosti* 10(154): 36–41.
- Luehrmann, S. (2012) "Chto my mozhem znat' o religioznosti sovetskogo perioda? (Sopostavlenie arkhivnykh i ustnykh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh'ia)" [What Can We Know about Soviet-era Religiosity? A Comparison of Archival and Oral Sources from the Postwar Volga Region], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3-4(30): 485–504.
- Malikova, T. (2016) *Slava Tsaria Nebesnogo... Zhizneopisanie blazhennoi prozorlivoi devitsy Anastasii Krikovoi ("Nasti Viryatinskoi")* [Glory to the Heavenly Tsar ... Biography of the blessed visionary girl Anastasia Krikova]. M.
- Mitrokhin, N. (2012) "Bolezni pod nazvaniem «fond upolnomochennogo» ili neskol'ko stranits ob aktual'nykh problemakh izucheniia religioznosti v SSSR" [The Illness of "the Fund of the Commissioner": Reflections on the Actual Problems of Research in the Field of Religiosity in the USSR], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3-4(30): 505–511.
- Nikol'skaya, Z.A. (1961) "K kharakteristike techeniia tak nazyvayemykh istinno-pravoslavnykh khristian Sovremennoe sektanstvo i yego preodolenie. Po materialam ekspeditsii v Tambovskuyu oblast' v 1959 g." [To the Characteristics of the Current of the So-called True Orthodox Christians in Modern sectarianism and its overcoming. Based on materials from an expedition to the Tambov region in 1959], *Voprosy istorii religii i ateizma* IX: 161–188.
- Panchenko, A.A. (2012) *Ivan i Iakov — neobychnnye sviatyie iz bolotistoi mestnosti: "Krest'yanskaia agiologiia" i religioznye praktiki v Rossii novogo vremeni* [Ivan and Yakov — Unusual Saints from a Swampy Area: "Peasant Hagiology" and Religious Practices in Modern Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sarychev, A. (2014) *Sviashchennosluzhiteli, monashestvuiushchie i miriane Tambovskoi mitropolii, postradaвшие za Khrista* [Priests, monastics and laity of the Tambov Metropolitanate who suffered for Christ]. Tom 3. Tambov: Izdatel'skii dom "Michurinsk".
- Scott, J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve The human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Vagramenko, T. (2021) "Visualizing Invisible Dissent: Red-Dragonists, Conspiracy and the Soviet Secret Police", in J. Kapáló, K. Povedák (eds) *The Religious Underground and the Secret Police in Communist and Post-communist Central and Eastern Europe. Religion, Society and Government in Eastern Europe series*, pp. 60–82. Routledge.
- Viola, L. (1996) *Peasant Rebels under Stalin — Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford University Press.
- Vitkovskiy, I.G. (1961) *Pravda o "sviattykh" istochnikakh* [The truth about the "holy" sources]. Tambov: knizhnoe izdatel'stvo.
- Volkov, V.V., Harhordin, O.V. (2008) *Teoriia praktik* [Theory of practice]. St. Petersburg.

- Yahnovskaya, S. (2015) ““Ustarel nash kolhoznyi Ustav”. Priusadebnoe zemlepol’zovanie kolhoznikov i ego gosudarstvennoe regulirovanie (konets 1950-kh — nachalo 1960-kh gg.)” [“Our collective farm charter is outdated”. Household land use of collective farmers and its state regulation (late 1950s — early 1960s)], *Rodina* 4(415): 121–123.